

Вера ХАРЧЕНКО

«ВОТ ТЕБЕ, ДЕВОЧКА, ЛАВКА ЗЕМНЫХ ЧУДЕС...»

О «Дне поэзии-2017»

Начнем с того, что обычно пишут в конце рецензий, — с внешнего вида альманаха. Это прекрасное издание, которое приятно держать в руках. Оно объемно, весома, и оно же картинно. Все стихи снабжены фотографиями одинакового размера, но различающимися по характеру лиц и по месту расположения, а шесть стихотворцев-юбиляров в конце альманаха отмечены, подчеркнем это, не всем известными портретами и фотографиями. Бумага выбрана белейшая, формат большой (А4). На любой странице книгу открываешь и начинаешь смотреть, листать, читать, перечитывать. Андрей Шацков работал над этой книгой два года, но игра стоила свеч. В самом начале дан общий список поэтов (внимание: их двести!), список алфавитный, с именами перед каждой фамилией в начале списка, причем отдельно поданы стихи студентов и выпускников Литературного института. А завершается издание разделом «Критика и литературоведение», в котором охарактеризованы семь имен выдающихся подвижников слова. Начинается альманах со статьи Виктора Линника об Алексее Константиновиче Толстом, 200-летию которого и посвящен «День поэзии-2017». Портрет А. К. Толстого размещен на обложке альманаха. Да-да, это Алексей Толстой. Не сразу узнаем его по портрету, тем и ценен сборник. Впрочем, альманах посвящен также 300-летию А. П. Сумарокова. Прекрасная статья Н. А. Гранцевой, восстанавливающая память об этом поэте вопреки трагическому забвению, трагическому еще при жизни неприятию стихов. Альманах посвящен также 150-летию К. Д. Бальмонта. Подробно анализирует его творчество американский исследователь из г. Айова-Сити Вадим Крейд. В своей статье к 110-летию Б. П. Корнилова Геннадий Красников выразительно описал всю сложность и заведомую одинокость Бориса Корнилова. Льва Аннинского интересно читать, о чем или о ком бы он ни писал. В этот раз он посвящает свои слова 80-летию Б. А. Ахмадулиной. Здесь же статья к 80-летию В. И. Фирсова (автор — Михаил Тарковский), к 85-летию Станислава Куняева и статья об Алексее Константиновиче Толстом Марианны Дударевой, посвящаемая самому известному стихотворению поэта «Колокольчики мои, цветики степные». Говорят, театр начинается с вешалки. А сборник стихов чем завершить? Согласимся, подбор критических

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). Живет в Белгороде.

литературоведческих работ не только замечательно украшает сборник, но и вносит свою лепту в осмысление имен поэтов-юбиларов. Лепту, которую не вычислишь, надо читать, она должна идти изнутри, быть пережитой внутренне.

«Но в вопросе чистоты и красоты русского литературного языка он был сам себе лучший судья! И действительно, поэт обладал великолепным чувством слова, редким музыкальным и эстетическим вкусом. Из всех поэтов XVIII века ныне стихи Сумарокова выглядят наименее архаично!» «Хоть стихи Сумарокова и входят в антологию и хрестоматию литературы XVIII века, но неформально он был изъят из большого культурного пространства с легкой руки В. Г. Белинского, который безапелляционно заявил, что вся поэзия XVIII века бесполезна для развития литературы». «Он был поэтом, писателем, критиком, лингвистом, публицистом, педагогом, журналистом, издателем, драматургом — первым профессиональным литератором России» [Гранцева 2018: 273, 275, 281].

«Борис Корнилов, опоздавший с тетрадь юношеских стихотворений к близкому по духовному сродству Есенину, в чужом городе, по сути, оказался предоставленным самому себе да собственному таланту. Даже среди литературных наставников и коллег он с самого начала оставался, что называется, „со своим уставом“, с которым, собственно, и прибыл сюда из легендарного Керженского края с его дремучими лесами, где в раскольничьих скитах столетиями таилась огненная непримиримость аввакумовской России». «Борис Корнилов как поэт — неисчерпаем». «А между тем „подвизавшийся в литературе“ Корнилов был феноменальным явлением в русской поэзии. Без всякой раскачки и приглядки, по-медвежьи независимо и грузно вломился он в ленинградскую культурную среду с ее традиционной фасадной европейскостью... Его стихи... стали украшением русской лирической поэзии» [Красников 2018: 286, 287, 288].

Ну и, конечно же, процитируем здесь же фрагмент об Алексее Константиновиче Толстом. «А почему так? Почему „уздой не удержать бег неукротимый“? Неужели не жаль колокольчиков? Жаль, конечно, но дело не в этом. Русский человек всегда *идет туда, не знаю куда*. И в этой простой формуле, понятной только самому русскому, есть основа стиля жизни и мысли. <...> Так не стилизация ли перед нами, спросите вы? Да, очень похоже по тону и ритму на фольклорное произведение, но все-таки мы обращаем внимание на скрытые фольклорные формулы» [Дударева 2018: 278].

Таким красивым языком написан весь раздел «Критика и литературоведение». И ведь это очень важно, чтобы понимать, что написанное останется, будет разрабатываться в последующие годы, почему так важно отбирать слова, проникать в сердце читающего, не говоря уже о том, чтобы восстанавливать некогда порушенную справедливость.

Мы начали свой обзор, напомним, с внешнего вида альманаха. Двести поэтов... Что же в итоге получилось? В сборнике много воздуха, стихи поэтов не дают друг на друга, их легко читать, а ведь для этого нужно было отбирать материал, отражая в них самое ценное, наверное, но и новое, что не входило ранее в сборники стихов, в подборки толстых журналов. У некоторых стихов проставлены даты — даты: сентябрь 2016-го, июнь 2016-го, 25 января 2017 года, 9 сентября 2017 года, 26 сентября 2017 года. Есть перед стихами (немного их, правда!) отрывки из частных писем, есть много посвящений, эпиграфов.

А теперь о главном. Перед нами энциклопедия современной поэзии — поэзии XXI века (2017 год). Предельно широка география: Москва (очень много Москвы!), Мытищи, Подольск, Пермь, Санкт-Петербург, Токио, Алма-Ата, Тюмень, Иерусалим, Оренбург, Кстово Нижегородской области, Тихвин, Екатеринбург, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Харьков, Беломорск, Воронеж, Дюссельдорф... (Все перечислять я не

буду.) Есть маленькие города и большие, есть села и мегаполисы, есть российские города и заграница в ее поэтических вариантах. Ежегодный альманах-2017 дает представление о поэзии на современном этапе. Составителю удалось сделать первое равновесие в представлении поэтов, как бы подчеркивая, что для высокой поэзии принципиально неважно, откуда ты родом, где живешь, куда забросила или направила тебя твоя жизнь и судьба.

Второе, на порядок более трудное равновесие, — это равновесие по степени известности поэтов. Александр Кушнер — известное имя, а в его окружении масса других поэтов, и кто знает их дальнейшую судьбу? Есть сердечные посвящения поэтам-юбилярам: Юнне Мориц, например. Есть посвящения самих поэтов перед стихами, что также обогащает восприятие читаемого. Самих стихов немного: три, пять, восемь, четыре, однако вполне достаточно, чтобы у читателя сложилось первое впечатление о поэте, которого ранее не знал (Варвара Заблицкая, Геннадий Иванов), или изменилось впечатление о поэте, которого раньше читал, но читал другие стихи (Алексей Климов-Южин, Светлана Кекова, Евгений Рейн). Мы назвали это равновесие особенно трудным, потому что энциклопедия требует единства при явном различии имен. Показать широчайший профиль современной поэзии при ограниченном заведомом наборе участников поэтического действия — задача непростая и чрезвычайно важная. Бытует мнение, что современной поэзии нет, что читать нечего, что поэты исписались и т. д. и т. п. Противостоять этому мнению можно с анализом большого числа современных авторов, с показа их поэзии, что и было предпринято в данном альманахе.

Обратимся теперь к самим стихам. «А после, оставшись один с этой мукой, / Гадал, повторяя: «*Душой не криви...*», / Что ранит сильнее — любовь пред разлукой, иль память, в разлуке, о прошлой любви» (А. Аврутин). «Нам прощают другие миры, и сидят на коленях / осторожные книги. На белых страницах покоя / больше, чем заслужил, осыпал узловатой строкою. / А накроет — и сам не заметишь великого плена» (А. Анашкин). «...Иди, засыпь дорожку к яру / и с яра съезди к сырой земле!.. Крути, ящик, верти сансару / Напра-нале» (О. Бабинов). «Спасибо, мама, за пирог...» / «Тебе спасибо, что отведал...» / «У нас морозные деньки. / А снегу — не отворишь двери... / Спасибо, мама, за носки...» / «Тебе спасибо, что примерил...» (Э. Балашов). «А помнится, в трамвай влетала мать — / и сразу — аж на том конце трамвая — / ватага заскорузлых мужиков / ноздрями трепетала, узнавая / не пойманное облачко духов» (Ю. Беликов). «...Останутся до новой Мировой / последние минуты или метры» (Е. Бершин). «Отсалютуйте поезду в дороге! / Наверняка услышите гудок. / Глядишь, и вы уже не одиноки, / И машинист в пути не одинок» (Н. Борский).

Поэзия должна быть слегка непонятной, загадочной, скажем так. Она работает с высшими силами, и хотя иногда впадает будто бы в разговорную стихию, но нет, эта разговорная стихия завершается всегда или почти всегда неожиданной афористической мыслью. Вот и в приведенных стихах нет ничего заумного, неземного, но при этом нет и разговорной речи, даже когда говорится от лица, например, матери. Афористичность присутствует, но скрытая, глубинная. И эти находки: *напра-нале!*

Читаем дальше. Стихотворение А. Габриэля «День Победы» — о чем оно? Да все о том же, о нашей родине многострадальной, но прелесть этого стиха в том, что героине его... 102 года! Много ли таких стихов с такими героями? В стихе Александра Герасимова дается узнаваемый образ отца: «Мороз покусывал нас буквально, / как будто сбежал с цепи. / Но папе было тогда нормально, / Ведь не было тридцати...». А в стихотворении Николая Глумова «Лермонтов» — благодарное признание за то, что поэт дал «*Жемчужные тучки, жандармов, / „Тамару“, „Кинжал“, „Валерик“... / И каплю дворянского шарма / В мой простонародный язык*». Вообще поэты XXI века чрезвычайно начитанны, хотя не демонстрируют этого качества. Мы встречаем в альманахе

Пушкина и Толстого, Лескова, Шопена и Чайковского, Спинозу и Канта, Саврасова, Ремарка, Бродского, Рубцова, Басё и... и еще многих-многих «случайно» упомянутых авторов.

У Валерия Дударева в стихотворении играют предлоги: «Жасмин любила невпопад, / С гвоздями ветер — Жила-была землею над / На белом свете». Ирина Евса в стихе, посвящаемом Е. Рейну, пишет: «Но гляди: в стихах по-прежнему держит спину / и лицо, лицо! Не трусит, не бережется. / И слоисто слово, и не подвластен сплину / дух, деталь живая жостовским жаром жжется». «Буду просить нам бессмертия. / Бог — как ты... / Бог помолчит со мной» — так завершает свое стихотворение Екатерина Ермолаева, а в нем рефреном звучит «Поговори со мной!». Вообще концы стихов всегда особые. Вот у Ивана Ерпылева «Ночь» заканчивается словами: «И тогда — пьянящая, нагая, / Ты шагнешь истории навстречу. / Только мало нам земного рая, / мы на звезды смотрим каждый вечер». Варвара Заблицкая завершает стихотворение горькими словами о телефоне: *И пускай он все время рядом — этого мало. / Мне всегда слишком мало его*.

Стихи, повторим, есть предельно простые, но при этом — стихи! «Талантов много, как цветов, / на родине моей... / Всегда, всегда мне будет кров / На родине моей» (Г. Иванов). Такое же внешне простое стихотворение Г. Ивушкина «Грибной дождик». Наталья Иванова пишет: «И лопатами землю рубили, / покуда телега, / Увязая, / тянула на небо / сколоченный дом». А ведь мы и не знали, не ведали, что упокоит нас — дом, сколоченный. Не гроб, а дом. Случайно ли старинное название гроба — домовина? Подчеркнуто просто пишет Николай Карпов в стихотворении «Служебный роман»: «Вы — мать двоих детей, / И я — отец двоих. / Покой своих семей / Мы бережем для них». Это та самая простота поступка, точнее, непоступка, которой остро недостает современности и которая роднит автора с героями и героинями XIX века.

Елена Исаева одно из стихотворений завершает опять-таки афоризмом: «Ты вспоминай хоть иногда, / как та несчастная звезда / светила ярче остальных — Вполне счастливых». Не отстает от нее Инна Кабыш: «Не выходят наружу рыдания, / но спекаются комом в душе. И такая там плотность страданья, что оно как бы счастье уже». Геннадий Красников отмечен выразительным стихотворением «Разница в возрасте»: «Вся разница — не в перемолотости / минут в часах... / А в сущей малости: / вам — не увидать нашей молодости, / нам — не увидать вашей старости».

Стоп! Мы рассмотрели более ста страниц альманаха и убеждаемся, что выход из стиха важнее входа: часто в конце стихотворения содержится главная мысль, ведущее чувство. Такое продолжается и далее. Так, лишь в редких стихах скорбь о Советском Союзе вполне объяснимая, а во многих — в конце Бог, божеское, высшее. Бог в конце стихотворения Александра Кушнера и Лады Миллер, Юрия Ненашева и Майи Никулиной, Марины Саввиных и Константина Скворцова, Александра Цирлинсона и Андрея Щербака-Жукова. Но упоминание о Боге обязывает, это понимают авторы, но это упоминание требует и свежести мысли, и новой интерпретации — не просто отсылки.

Известно, что предназначение поэзии — окрылять язык, и авторы альманаха поработали в этом направлении. Поэзия экспериментальна по существу. Выше мы говорили о предлогах. И вот перед нами целое стихотворение «Предложное» Людмилы Калягиной, построенное на игре предлогов. А вот еще стихи с афористикой, мягкой, стыдливой. «Хвала, хула или пророчества, / То мелодичны, то сухи. / Слова боятся одиночества — / Объединяются в стихах» (Михаил Кильдяшов). «Прочитаю: «пойдешь направо, / Будет то-то, налево пойдешь...» / Где ты, ветер мой? Где мои травы? / Где моя соловьиная дрожь?» (Наташа Кинугава). «Деревенская изба — Красный угол — черный угол. А в печи горит судьба — красный уголь — черный уголь» (Владимир Костров). «И в завтра — шагнем, как в бессмертье, / сгибаясь под памяти гирей: / оставить — не

выдержит сердце, / лететь с ней — не вынесут крылья...» (Николай Переслав). Стихотворение Юрия Перминова «В больнице» заканчивается неожиданным признанием: «...Я понял впервые (ну, буду считать, что впервые), как по-настоящему — люди, как люди, живут». Константин Скворцов предложил свою афористическую мысль, не сразу заметную в живой жизни: «Святая Русь, не знавшая покоя, / омытая слезами, как дождем, / Где б я еще услышать мог такое? — Чего не доедим, то допоем!»

Военная тема представлена, и представлена в свежем исполнении. «...Мерцают на могилах свечи: Андрей, Настена, дед Иван... И расправляет мертвым плечи, / Как в 41-ом Левитан» (Виктор Кудрявцев). «Шли каникулы без скуки. Пекла мама пирожки. И смотрел солдат безрукий, Как сражались мы в снежки» (конец стихотворения Леонида Кузьмина). Здесь же целое стихотворение Евгения Минакова «В этом доме было гестапо». У Елены Соини в стихотворении «Ильинична» только в конце проступает война, но как проступает: «Откуда знать мне — шестерых парней / домой, на берег Северной Двины, / не дождалась Ильинична с войны». «Матерей не находят, не ищут по странам заморским, / Не берут, как невесту, по вкусу, по выбору в дом. / Матерей узнают по морщинам да пальцам замерзлым, / Заскорузлым и ласковым, нас одевавшим с трудом», — а это голос Дмитрия Сухарева.

«Непослушный был...» было последнее слово матери, ставшее прообразом стиха Валерия Латынина. А вот другие стихи о матери: «Мама стала махонькая, как котик. / Мама стала тихонькая, как мышка. / Мама еле-еле по дому ходит. / Гречку перебирая, лапой гребет, как мишка» (Станислав Минаков). Валентин Сорокин в «Возвращении к себе» заканчивает стих словами: «Не зря меня терпеньем одарила / И в грозный путь благословила мать!»

Отцов маловато оставалось (следы войны!), тем заметнее стихотворение Олега Хлебникова «Отцу»: «И никого больше рядом нет, / кто мог бы леща — но не дал. / И стал мне темней этот белый свет, / темнее, чем ожидал».

У Михаила Молчанова стихи с сюжетом: «Заяц» (пушкинская история), «Баллада о стеклянном букете» (о чудном спасении заболевшей дочери). Поэзия как-то сопротивляется сюжетике, тем более она требует знания сюжета, но тем и прекрасна.

Юнна Мориц дорога нам своим признанием, напоминающим о ее раннем творчестве: «Все изменится, ландыш останется прежним, / Все изменится, прежним останется свет / В колокольчике с запахом, острым и нежным, Белоснежным, как тайна, где мерзости нет!»

«Мир держится на ниточке ручья. / На родниковом и песчаном пульсе / скользит волнистая и плавная змея. / Любишься, наблюдай и не сутулься», — советует Евгений Попов, напоминая об осанке, царственной, достойной. А вот стихотворение Юрия Рышленцева «Книжный шкаф», как мальчик расставлял книги по цвету обложек: «Розовый Золя за белым Манном, синий Блок за голубым Кораном, алый Фет за рдяным Бомарше». Вроде событие не из главных, но... «Поэзия — искусство безнадежно семантическое», — считал И. Бродский, и был прав.

События недавних лет тоже преобразились в стихи-памяти. «Лишь один алый лист / На торжественном / Древе зеленом, / Молча два капитана / Кидают монетки Харону» — так пишет Наталья Харова о «Норд-Осте» и Александре Карпове, погибшем тогда. Или приведем в качестве примера стихотворение Андрея Широкоглазова «Пир во время чумы» с посвящением русским добровольцам в Донецке и Луганске.

Когда читаешь все подряд в альманахе и выписываешь то, что особенно цепляет, невольно совершаешь ошибку, ведь, например, последняя строка стихотворения напрямую связана с его «сюжетом», с его первой строкой, с личностью автора и, соответственно, требует весомого отдельного разбора. Но мы продолжим начатое, поскольку такой ковровый обзор открывает нечто общее у разных авторов и в разных стихах.

«Мы знаем, что будем красиво и ласково петь. / Нам это позволено кем-то, хотя и не помним, / И будем терпеть, будем снова и петь и терпеть, / Во мгле вечеров прижимаясь к любимым ладоням» (Елена Семенова). На уровне интонации не sluкавишь, правда себя бережет. Есть китайское поверье, идет от Лао-цзы: «Знающий людей разумен, а знающий себя самого прозорлив». Поэты альманаха стремятся к познанию самих себя.

Стихи нежны к растениям, деревьям, пичугам, и альманах-2017 в этом не исключение. Виктор Тихомиров-Тихвинский признается в симпатии к дубу: «Когда-то там я тоже буду... / И за деревней, в тишине / Как человеку — рад я дубу, / Который радуется мне...» «Не о городах и не о селах, / Не о том, что прежде и потом. / О цветах, о бабочках, о пчелах, / Больше ни о ком», — пишет Геннадий Фролов, а Михаил Федосеев прислушивается к голосу пичужек в саду: «Раннее утро. / День выходной. / С яблонь, черемух — / Наперебой: / Чиф-чиф-чиффычи, / чиф-чиф-чисслик, / Слик-слик-чиффычи, — / Звучит заклик». Владимир Набоков считал, что писатель — это тот, кто умеет измышлять факты. Не придумывать, не сочинять, не воображать, а (слово найдено!) измышлять. Тем более это относится к поэту, и тем более к поэту современному, которому надо написать так, чтобы его прочитали, заметили, пережили его чувство.

Есть особое стихотворение «Ночная сторо́жа» Андрея Шацкого. «Сыне, тебе не приспело / С воями в пекло лезть. / Скажет Боброк: Не дело! / Скажет Бренок: Не в честь!»... Взгляд его светлый — строже / Сделался и синей. / «В первой пойду стороже! Лучших возьму коней!» Ах, как кричали птицы, / В смутной поре ночной. / Бьют родники-криницы / В быстрой воде речной./ И опустилось утро / Близкими на пески... / Княжича русы кудри / Вынесло из реки». Стихотворение написано в сороковины, 30 июля 2016 года. Как выразительно в нем передана речь героев! И последняя речь, последние слова сына... А в другом стихотворении в самом конце обещание: «Я помню в ладони ручонку твою, / И кеды, спешащие рядом... / Немного осталось... Но я достоин / Под нашим с тобой снегопадом!» Этим призывом, таким горестным и тихим, мы и завершаем свой разбор стихов альманаха.

В целом можно сказать, что подбор авторов и их стихов себя оправдал. Мы ожидали больших степеней по советскому прошлому, большей «публицистичности», которая не красит как раз стихи, большей направленности на себя, большей любви, которая всегда была в центре поэзии, здесь она тоже есть, но сдержаннее, умнее. Прозвучали же в книге другие мотивы: образ матери, новая память о войне, острота недавних событий, внимательное отношение к природе, что рядом с нами, попытка понять свое место в мире. И в каждом стихе свое открытие, своя интонация.

«Когда мы смотрим на небо, — пишет Владимир Губайловский, — мы видим не близкие и далекие звезды, а их объединения — созвездия, в которых, как в созвездии Гончих Псов, есть очень далекие яркие и более бледные близкие звезды. Наша память тоже оказывается чем-то вроде набора созвездий, где наши воспоминания объединяются не столько хронологическими, сколько другими — ассоциативными связями»¹. Так и солидные сборники стихотворений. Они предназначены для нас, читателей, чтобы в них находить свое и для себя, не задумываясь о похожих стихах и поэтах.

¹ <http://magazines.russ.ru/ural>